

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-7

УДК 82-31 (17.82.31)

© Воронина Т.Н., 2017

Воронина Татьяна Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
(Вологда, Россия)
e-mail: myberegok@rambler.ru

Voronina Tatiana Nikolaevna

PhD in Philology Sciences, Associate professor,
Vologda State University
(Vologda, Russia)
e-mail: myberegok@rambler.ru

**«ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ ЧУДЕСА»
В ЛИРИКЕ В.Т. ШАЛАМОВА¹**

**«MIRACLES OF HOME LIFE»
IN THE LYRICS BY V.T. SHALAMOV**

Аннотация. В статье анализируется мотив чуда в стихах В.Т. Шаламова о детстве. Подробно рассматриваются четыре стихотворения. Делается вывод о том, что простые вещи в авторской ретроспекции приобретают статус чудесного. Все они связаны с домом, центром которого является мать. События прошлой жизни воскресают в сознании лирического субъекта и, увиденные через призму прожитого, осмысливаются как сверхъестественные и наделяются сверхзначимостью, определяют судьбу. Повседневные впечатления преобразуются авторским зрением в онтологические картины.

Abstract. The paper analyzes the motive of miracle in the lyrics by V.T. Shalamov about childhood. There are four poems under consideration. The author draws the conclusion that in Shalamov's flashback ordinary things acquire status of miraculous ones. All of them are very much related to the house, where the center place belongs to mother. The events of antecedent life come back to the memory of narrator and are seen through the lens of recent years and interpreted as miraculous and extra meaningful, they determine the fate. Everyday impressions are transformed by author's vision into ontological pictures.

Ключевые слова: Вологодский текст, В.Т. Шаламов, чудо, детство, мотив

Keywords: Vologda text, V.T. Shalamov, miracle, childhood, motive

Введение

В наследии В.Т. Шаламова относительно небольшое количество стихов связано с воспоминаниями о детстве и юности, проведенных в Вологде. Как справедливо отметил В.В. Есипов, биограф, исследователь и публикатор писателя, эти тексты «значительно расширяют представление о многообразии и богатстве поэтического творчества Шаламова, а также и о незримых духовных нитях, всегда связывающих его с родными местами» [6, с. 230], так как «Вологда оставалась частью жизни и размышлений Шаламова-поэта» [2]. В 2017 году вышла в свет книга «Четвертая Вологда» – прекрасно изданная и комментированная подборка произведений писателя, так или иначе сопряженных с малой родиной, в нее включено двадцать четыре стихотворения.

На наш взгляд, важным семантическим элементом в лирическом развертывании темы детства у Шаламова является мотив чуда. Согласно словарю В.И. Даля, чудо –

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»)/

«всякое явление, кое мы не умеем объяснить по известным нам законам природы. Диво, необычайная вещь или явление, случай; неожиданная и противная предвидимой возможности, едва быточное» [1, с. 619]. В толковании фиксируется иррациональная, таинственная сущность явления, выход за пределы привычного порядка вещей. Чудо может выполнять функцию особой – космологической – формы коммуникации, традиционным является представление о нем как о «механизме связи Бога и человека» [3, с. 213]. Ю.В. Шатин связывает чудо с деавтоматизацией действия, указывает на его континуальность, невозможность толкования с точки зрения причинно-следственных связей (применительно к чуду они обратимы, а значит, условны) и отмечает, что в отличие от предшествующей культурной эпохи, разграничивающей событие и чудо, «литература нового времени, напротив, допускает изображение чуда как события и события как чуда (или его значимого отсутствия)» [7].

Основная часть

У Шаламова чудо опрокинуто в детство и соотносится с мотивами памяти и невозвратности. Д.В. Кротова обращает внимание на значимость эмоционального аспекта памяти для писателя [3, с. 105], что подтверждается словами последнего: «Важно воскресить чувство. Чувство должно вернуться, побеждая контроль времени, изменение оценок» [5, с. 365]. Детские впечатления на расстоянии пройденного жизненного пути, трагические изломы которого хорошо известны, воспринимаются творческим сознанием как сами по себе удивительные, сказочные. В этом свете самые обыденные вещи предстают как невероятные, едва быточные. Прежде всего, сама по себе жизнь дома мыслится как чудо, видение, игра воображения:

Опять метель пойдет впрысядку
Под окна русскую плясать,
А мне опять вообразятся
Домашней жизни чудеса [6, с. 231].

Здесь очевиден акцент на повторяемости воспоминания: очередная метель вновь ворошит в памяти картины родного края (в данном стихотворении нет конкретной соотнесенности с местом, упоминаются лишь деревни, «кривые, как черновики», но у всех, кто знаком с биографией и творчеством Шаламова, она невольно возникает). В следующих двух строках в качестве домашнего чуда предстает зимняя забава – катанье на коньках. Образ Маши (поэтический парафраз имени любимой сестры Наташи), пляшущей на пороге, переключается с пляшущей метелью и создает ощущение нетерпения, радостного ожидания:

А на пороге пляшет Маша,
Закинув за спину коньки.

Это ощущение подкреплено глаголом «бежим». Каток предстает как чудесное и манящее место: мерцающий, расцвеченный огнями:

И мы бежим на разноцветный,
Горящий площадками каток.

В последних строках третьей строфы место детской забавы превращается в пространство мечты, зовущей за собой:

Нас тянет юношеский ветер
И в уши свищет, как свисток.

«Юношеский ветер» – оптимистический ветер перемен, соотносится с метелью, также знаменующей изменения в судьбе, и сравнивается со свистком: его звук означает призыв к чему-то новому и тревогу одновременно. Далее тональность стихотворения меняется: светлое детское воспоминание в ретроспективе прожитого разворачивается в метафору судьбы:

Лет через десять в повороте
У самой северной горы
Мы натываемся на что-то,
Что посерьезнее игры.
Там в промороженном тумане
По склону горного хребта
После веселого катанья
Провозит саночки мечта.

Веселое катанье ассоциируется с закончившимся детством, несбывшимися надеждами, маленький понятный домашний мирок сменяется миром за пределами дома, враждебным, холодным и неясным. Мечта позвала за собой и скрылась. И если в предыдущих строках движение мыслилось как стремительное и поступательное – скольжение, хоть и неопределенного направления (бежим, увлекаемые юношеским ветром), то после поворота оно отчетливо замедляется и обретает вектор: «по склону горного хребта», т.е. вниз. Это можно представить как метафору трагического излома судьбы лирического субъекта. Манящий огнями каток, уютный и обещающий радость, замещается величественной картиной застывшего льда на дне вечной «таежной горной ямы». Динамическое описание переходит в статическое, время перетекает в вечность. Замерзший поток горной реки – образ-символ уготованной судьбы /неумолимого рока, на ее поверхности запечатлены знаки предопределения, начертанные ветхозаветным пророком:

Скульптурный сон речного плеска,
Он солнцем выглажен до блеска,
Хранятся тысячей веков
На льду следы времен библейских
Езекииловых коньков.

Гладь катка становится книгой судьбы. Последняя строфа возвращает к детской забаве, однако разворачивает ее в символическом ключе:

По этой ледяной сторонке,
Скользя на лезвии ножа,
И мы прокатимся с сестренкой,
Друг друга за руки держа.

Катание на коньках описано через обыгрывание фразеологизма «ходить по лезвию ножа», что меняет семантику высказывания: столкнуться с болью, опасностями, угрозами. А в свете того, что на момент написания стихотворения (1949 год) сестры Шаламова Наташи уже больше десяти лет не было в живых, последние строчки об-

ретают особый смысл, встреча с сестренкой возможна уже не в этом мире. В воспоминании лирического субъекта незатейливая забава – катание с сестрой на коньках – предстает как волшебно-сказочный бег за мечтой, который знаменует начало жизненного пути. Путь этот метафорически разворачивается как скольжение по лезвию ножа. Воспоминание-впечатление порождает цепь ассоциаций с судьбой, жизненным кругом, в результате чего через мгновение просвечивает вечность, что и позволяет его осмысливать как чудесное.

Чудо как детская игра, забава присутствует в стихотворении «У зеленой лампы гнутся пальцы мамы...». Его композиция симметрична: три строфы распадаются на две равные части. В первой – зарисовка домашнего развлечения – театра теней, устроенного матерью, во второй – рефлексия лирического субъекта, порожденная данным воспоминанием. Уютная атмосфера создается упоминанием зеленой лампы, дающей мягкий свет. Источником чудесного, центром домашнего мира является мама (упоминаются только руки, но ее присутствием одухотворено все происходящее):

Мы сидим с сестренкой перед чудесами,
Перед превращениями маминой руки [6, с. 241].

Здесь, как и в предыдущем стихотворении, сестра – соучастник игры, она разделяет радость приобщения к волшебному миру. Чудо мыслится как преобразование привычного в необычное и сказочное: стена оживает, населяется птицами и зверями. Театр теней вокруг зеленой лампы предстает таинством, созданным мамой, а домашняя забава для детей – ее участников – есть выпадение из границ реальности. Детское воспоминание вызывает у лирического субъекта чувство грусти, что порождает в свою очередь горькое ощущение невозвратности детства:

Видно, не придется нам, сорокалетним,
У зеленой лампы маму вспоминать.
Нам уж не покажет – мы уже не дети –
Никаких картинок белая стена.

Сожаление о невозвратности детства, обусловленной естественным порядком вещей, усиливается мотивом трагической утраты: мамы уже нет и не с кем ее вспомнить, как нет и дома. В этом взрослом («мы уже не дети») мире чудо невозможно, там, где оно было возможно, – пустота, белая стена никогда не оживет, это безжизненная стена чего угодно: больницы, камеры, но не дома. Чуда здесь больше нет и быть не может.

Сходные образы и мотивы объединяют это стихотворение с двумя другими: «Моя мать была дикарка...» и «Виктору Гюго»: образ матери-волшебницы и мотив первого приобщения к искусству как к чуду.

Первый текст посвящен Надежде Александровне Шаламовой, особым к ней отношением подсвечены автобиографическая повесть «Четвертая Вологда» и некоторые стихи (помимо названных выше, это «Silentium» и «Положен жестяной венок у маминых опухших ног...»). Мать предстает в ореоле романтической героини:

Моя мать была дикарка,
Фантазерка и кухарка [6, с. 245].

Определение «кухарка», усиленное повторами, выпадает из общего ряда («дикарка» и «фантазерка» с ним плохо вяжется, при этом именно последнее именование

в приведенной цитате накрепко связывает героиню с домом), оно проясняется в соотношении с «Четвертой Вологдой». В повести говорится, что Надежда Александровна всю жизнь в замужестве провела в неустанных хозяйственных заботах, основное ее время занимало приготовление пищи для большой семьи, хотя к этому делу она не была расположена: «Мама печь хлеб не умела и не любила кухни. Мама любила стихи, а не ухваты» [6, с. 53]. Поэтический образ матери построен на сочетании романтических и бытовых характеристик. Так она дикарка, фантазерка, чародейка, «каждый, кто к ней приближался, маме ангелом казался», ворожит доброй силе, проехала полмира и в то же время – старомодная кухарка, боится телефона, ее «мир был очень узкий» и не выходил за порог квартиры. Прозаические детали не снижают возвышенного образа, а делают его менее условным, наполняют жизнью. Мать – волшебница и хозяйка, обе ипостаси суть единое целое:

Моя мать была кухарка,
Чародейка и знахарка.
Доброй силе ворожила,
Ворожила доброй силе.

Она держит дом и небо (и дом как небо), подобно атланту, дает пищу телесную и духовную, видится центром гармонии, единственной опорой, способной удержать рушащуюся вселенную:

Но, сгибаясь постепенно,
Крышу рухнувшей вселенной
Удержать сумела мама
Очень прямо, очень прямо.

В «Четвертой Вологде» говорится, что после того, как отец ослеп, именно «мать и приняла на свои плечи небосвод нашей семьи» [6, с. 143]. Произведения создавались параллельно, очевидна прямая перекличка с приведенной стихотворной цитатой. Романтическая чародейка, наделенная способностью совершать домашние чудеса, в финале стихотворения трансформируется в эпическую героиню, а ее последнее чудо обрисовано как подвиг титана. Мать уподобляется библейскому богатырю Самсону, только он разрушил дом филистимлян, а она, напротив, свой дом удержала. Автор отталкивается от фигурального значения слова «прямой», акцентированного повторами и вариациями: прямая спина мамы указывает на незыблемость жизненных установок и принципов. Образ матери окрашен отношением лирического субъекта, истоки которого конкретизируются в одной из последних строф:

Ей обязан я стихами,
Их крутыми берегами,
Разверзающейся бездной,
Звездной бездной, мукой крестной.

Фантазерка и чародейка – волшебный даритель, наделяющий своего сына чудесной силой – поэтическим даром, а вместе с ним – мучительной способностью принять на свои плечи тяжесть мира.

Мотив чуда как обретения творческого зрения становится ключевым в стихотворении «Прачки». В его основе – вновь детское воспоминание-впечатление. Лирический субъект хранит память о себе-ребенке, в сознании которого происходит вол-

шебное преображение бытовой сцены стирки на реке в мистическое действо, в нем каждая реалья обретает особый символический смысл. Девять прачек – девять муз, дочерей гармонии, река – Кастальский ключ, дающий вдохновение, полоскание белья – волшебное «состязание света и звука», проявление эстетического совершенства в обыденном. Все вместе организуется в таинство поэтического прозрения, получения творческого дара:

Это я там стоял, ошалев
От внезапной догадки-прозренья,
И навек отделил я напев
От заметного миру движенья [6, с. 245].

Увидеть в бытовом сверхъестественное способен не каждый, но именно такая особая чуткость дана лирическому субъекту. Поэзия соотносится с музыкой, имманентной повседневности. Будущий творец здесь выступает в роли визионера и обретает способность извлекать мелодию из окружающего мира. Само слово «чудо» в данном тексте не употребляется, однако все происходящее наделяется свойствами чуда, то есть, во-первых, мыслится как выпадение из повседневности за пределы реального времени и пространства; во-вторых, необъяснимо с точки зрения причинно-следственной связи; в-третьих, запечатлевает преображение-прозрение героя.

Выводы

Мотив чуда устойчиво проявляется в целом ряде стихотворений Шаламова о детстве и прочно связан с данной порой жизни. Чудо у него не есть форма коммуникации человека и Бога (скорее присутствует отсылка к ее невозможности или отсутствию – см. стихотворение «В церкви»), а преображенное в таинство событие, в коем проявляется высшая иррациональная сущность и смысл. На примере четырех рассмотренных текстов видно, что самые простые вещи в авторской ретроспекции приобретают статус чудесного. Все они связаны с домом (шире – с родным городом), центром которого является мать. События прошлой жизни воскресают в сознании лирического субъекта и, увиденные через призму прожитого, осмысливаются как сверхъестественные и наделяются сверхзначимостью, определяют судьбу. Повседневные впечатления преображаются авторским зрением в онтологические картины вне времени и пространства: катание на коньках – в жизненный путь, предначертанный роком; домашний театр теней – в пустоту настоящего; мама-кухарка и волшебница – в эпическую и трагическую героиню; прачки, стирающие на реке, – в таинство обретения поэтического дара. Хранилище чудес – память поэта, в ней прошлое, с одной стороны, видится иллюзией, чем-то нереальным и несбыточным, с другой – его можно вновь пережить как воспоминание и наделять особым смыслом.

Также означенный мотив косвенно присутствует в стихотворениях «Виктору Гюго» (как первое соприкосновение с театром), «Орудье кружевницы, известное давно...» (как чудо ремесла), «Старая Вологда» (родной город соотносится со сказкой о Жар-птице), которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1955. 683 с.
2. Есипов В.В. «Учусь растить любовь и гнев...». URL: <https://shalamov.ru/research/275/>
3. Задорина А.О. Мотив чуда в свете персонажной структуры романа М.Л. Леонова «Пирамида» // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2011». М., 2011. С. 213–214. URL: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/8.pdf>

4. Кротова Д.В. Тема памяти в лирике В. Шаламова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. №3. С. 104–109.
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1998. 526 с.
6. Шаламов В.Т. Четвертая Вологда: повесть, рассказы, стихи. Вологда, 2017. 271 с.
7. Шатин Ю.В. Событие и чудо // Дискурс. 1996. №2. С. 6–11.

References

1. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t. T. 4* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl: in 4 vol. Vol. 4]. Moscow, 1955. 683 p.
2. Esipov V.V. «Uchus' rastit' liubov' i gnev...» [I learn to grow love and anger]. Available at: <https://shalamov.ru/research/275/> (accessed 2 November 2017)
3. Zadorina A.O. Motiv chuda v svete personazhnoi struktury romana M.L. Leonova «Piramida» [The motive of miracle in the character structure of the novel Pyramid by M.L. Leonov]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2011»* [The materials of the International Youth Scientific Forum “Lomonosov-2011”]. Moscow, 2011, pp. 213–214. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~smu/work/science-day/2011/8.pdf> (accessed 2 November 2017)
4. Krotova D.V. Tema pamiati v lirike V. Shalamova [Memory topic in the verses by V. Shalamov]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. The scientific reports of High School], 2017, no. 3, pp. 104–109.
5. Shalamov V.T. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 3* [Collected works issued in 4 vol. Vol.3]. Moscow, 1998. 526 p.
6. Shalamov V.T. *Chetvertaia Vologda: povest', rasskazy, stikhi* [The Fourth Vologda: stories, narratives, verses]. Vologda, 2017. 271 p.
7. Shatin Iu.V. Sobytie i chudo [Event and miracle]. *Diskurs* [Discourse], 1996, no. 2, pp. 6–11.

Воронина Т.Н. «Домашней жизни чудеса» в лирике В.Т. Шаламова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 53–59.

For citation: Voronina T.N. “Miracles of home life” in the lyrics by V.T. Shalamov. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 53–59.